

П. В. Голубовский

История
Смоленской
земли

Петр Голубовский

**История Смоленской земли
до начала XV столетия**

Издательство «Кучково поле»

1895

УДК 94
ББК 63.3(2)43

Голубовский П. В.

История Смоленской земли до начала XV столетия /
П. В. Голубовский — Издательство «Кучково поле», 1895

ISBN 978-5-9950-0220-8

Предлагаемый читателю труд известного русского историка Петра Васильевича Голубовского – одно из самых обстоятельных исследований по истории Смоленской земли до начала XV столетия. Ко времени написания данной работы в отечественной историографии оставались не изучены две важные административные области древней Руси – Смоленская и Полоцкая. Автор взял на себя обязательство как можно более подробно, на основе всех известных источников, показать процесс становления и развития одного из могущественнейших княжеств, а также дальнейший переход Смоленщины под власть Литвы. Новаторская особенность исследования П. В. Голубовского – привлечение археологического материала и сопоставление его с письменными источниками, что до начала XX века оставалось редким исключением из общего правила отчужденности большинства профессоров русской истории от достижений археологии. Книга будет интересна не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей

УДК 94
ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-9950-0220-8

© Голубовский П. В., 1895
© Издательство «Кучково поле», 1895

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Природа страны. Первобытные обитатели. Славянская колонизация. Политические границы Смоленской земли	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Петр Васильевич Голубовский
История Смоленской земли
до начала XV столетия

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Предисловие

Говорить о важности разработки русской истории по областям мы считаем совершенно излишним, так как этот вопрос выяснялся не раз. До сих пор остается неразработанной история земель Смоленской и Полоцкой. Труды Мурзакевича, Никитина, отчасти Турчиновича, как и вышедшие недавно очерки по истории Смоленска¹, представляют собою не более как компиляции, не имеющие никакого научного значения. Тем же характером отличаются кое-где раскиданные в газете «Смоленский Вестник» статьи, посвященные истории Смоленской земли, за единичными исключениями. Вообще, статьи, встречающиеся кое-где в ученых и неученых изданиях, не охватывают истории смоленских кривичей в ее целом, а касаются, или случайно, или специально, лишь отдельных ее вопросов.

В предисловии к нашей работе «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар» мы говорили: «В своем труде мы обращаем главное внимание *на источники первой руки*, стараемся собрать свидетельства русские, византийские и арабские (а теперь прибавим: немецкие, польские и латинские), сделать им пересмотр и на основании только этих источников сделать свои выводы. Мы не излагаем всех теорий, существующих по тому или другому вопросу, и не разбираем их, считая это совершенно излишним балластом: *раз мы строим свои выводы на основании источников первой руки, то этим самым возражаем против тех мнений, с которыми мы не согласны*. Мы не пишем истории разработки вопроса, а исследуем самый вопрос. Совершенно иное дело – насколько верны наши собственные выводы. Это решать не нам. Мы желаем, чтобы нам были указаны наши ошибки *на основании источников первой руки*. Ими же, и только ими одними, мы будем и защищать свои положения». Этих же самых взглядов мы держимся, тому же методу исследования мы следовали и теперь.

Во все продолжение нашей работы мы встречали сочувствие и поддержку советами и указаниями у В. С. Иконникова, В. Б. Антоновича и И. В. Лучицкого. Всем им мы приносим искреннюю благодарность.

П. Голубовский

Киев.

Январь 1895 г.

Глава I

История Смоленской земли до начала XV века

Природа страны. Первобытные обитатели. Славянская колонизация. Политические границы Смоленской земли

«А и черны грязи смоленские»².

Одно из восточнославянских племен, кривичи, как мы увидим далее, заняло огромные пространства в северо-западной и северной части восточноевропейской равнины. Оно не было тут автохтоном, а явилось сюда из другой страны и, конечно, в продолжение многих веков мало по малу колонизировало ту обширную область, на которой застает его история. Общеизвестно, что в отдаленные от нас времена, когда зарождалось русское государство, и еще далее, когда происходила колонизация славянского племени, вся восточная Европа была покрыта непроходимыми девственными лесами, и что единственными путями для передвижения и зимою, и летом являлись реки, чему ясные доказательства мы находим уже в исторический период жизни древней Руси. Реки не могут, таким образом, служить препятствием для расселения племен.

Другое дело обширные болота, которые простирались в те времена на огромные протяжения. Они препятствовали движению, затрудняли сообщения между первобытными колонистами, разбрасывали их в разные стороны. Первыми местами поселений должны были сделаться возвышенности, или лучше, сухие приподнятые местности, шедшие или вдоль берегов рек, или простиравшиеся на водоразделах между речными системами. Но тут нужно было выдержать не менее упорную борьбу. В другом месте мне приходилось уже говорить о значении леса в истории расселения славянских племен по равнине восточной Европы³. То или иное племя, расселяющееся вдоль берегов какой-нибудь реки, достигало водораздела. Река, обличавшая это движение, прекращалась, только сплошной стеной стоял непроходимый лес. К этому препятствию очень часто присоединялось новое. Иногда эти плоские возвышенности, более или менее обширные, представляют котловины, вследствие чего атмосферные осадки в огромном количестве скопляются на них и образуют целый лабиринт озер и обширных болот. Начиналась борьба с лесом, который совместно с непроходимыми трясиными задерживал дальнейшее движение человека. В то время как одно племя задерживается у водораздела с одной стороны, другое – двигавшееся по берегам иной реки – подходит к нему с противоположной. Этим-то обстоятельством и объясняется то явление, что этнографическими границами служат водоразделы между системами рек, а в историческое время тут проходят и границы политические. Здесь сталкиваются в своем движении племена, здесь происходит затем между ними борьба, переходящая впоследствии в борьбу между политическими единицами – землями, княжествами. В историческое время вопрос сводится к тому, какое княжество отгеснит своего соперника к верховьям рек, за водораздел. Тогда реки, текущие поперечно, закрепляются целым рядом городков, и таких укрепленных линий является столько, сколько случится таких параллельных речек. Если одно племя успевает еще в доисторическое время колонизировать территорию другого, то мы видим, что течение рек, ведущих из области племени колонизирующего, закреплено городками и непременно особенно сильно укреплены верховья рек. Вполне естественно также, что берега рек, по которым шло колонизационное движение, должны быть покрыты поселениями. Таким образом, направление течения рек и распределение между ними

плоских сухих возвышенностей имеют значение в вопросе о ходе колонизации, стало быть, в значительной мере определяют первые шаги племени на историческом пути. Эти соображения прямо приводят нас к рассмотрению географических условий местности, которая должна была сделаться ареной деятельности одного из могучих восточнославянских племен – кривичей.

От верховьев Волги-реки на севере и почти до впадения реки Дрюти в Днепр на юге, от среднего течения Москвы-реки на востоке и приблизительно до впадения реки Каспли в Западную Двину на западе – вот пространство, которое входило в состав Смоленской земли в пору самого большого ее политического могущества.

«Кривичи, иже сядят на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же и город есть Смоленск»⁴. Вот как определяет наша древнейшая летопись центр поселений кривицкого племени. С этого центра мы и начнем географический обзор. От озера Селигера, в направлении с северо-запада на юго-восток, Смоленскую землю окаймляла река Волга. Впрочем, озеро Селигер лежало уже вне Смоленского княжества, зато озера Пено и Волго принадлежали ему, по всей вероятности, целиком. Из ее левых притоков для нас интересна река Медведица. Еще важнее Вазуза с притоком Гжатью, Лама и Ока, приносящие свои воды в Волгу с правой стороны. В реку Оку текут с левой стороны Угра, Протва, Москва. Последняя своими верховьями и притоком Колочей, как и Протва, речками Берегой и Рудью, сближаются с системой реки Вазузы. Тут посредствующими звеньями являются во множестве мелкие речки, из которых мы отметим Оболонь. Сюда же своими верховьями подходит река Воря, вливающаяся в Угру с левой стороны. Верховье левых притоков Вазузы приводит к системе реки Днепра. Не труден был переход целым рядом речек и самых ничтожных волоков и волочков в реку Вязму и Десну, или в реку Обшу, которая уже вела на запад в систему двинскую. Последняя через Обшу в свою очередь соединяется природой с системой днепровской, именно с верховьями самого Днепра, которые отделяются от Обши и других речек двинской системы лишь узким гребнем⁵. Течение Днепра в верхней его части довольно извилисто. Общее направление его – к юго-западу – продолжается приблизительно до города Орши, откуда он круто поворачивает на юг. Из притоков его с правой стороны останавливают на себе наше внимание: Вержа Большая, Вопь, в которую впадает Вотря с Вотрицей (Ветрицей); множество небольших речек с озерами большей или меньшей величины сближают правый берег Днепра с левыми притоками Западной Двины. Почти у самых верховьев Днепра в него впадает небольшая речка Солодовня, интересная лишь в том отношении, что на ней, по предположению, стоял один из городов Смоленского княжества. Далее идут: Вязма, Сож и Десна. Последняя, впрочем, принадлежала Смоленской земле лишь своими верховьями, точно так же, как и ее левый приток, Болва. Зато Сож почти до самого своего устья протекал по Смоленскому княжеству. Из его притоков следует упомянуть: Осетр – с левой стороны, а с правой – Вехру и Проню с Басей. К верховьям Волги подходит начало реки Западной Двины. Я уже говорил, что с бассейном волжским последняя сближается через Обшу, левый приток Межи, впадающей в Западную Двину с левой же стороны. Затем обращает на себя внимание Каспля, очень близко подходящая своим истоком к системе Днепра. С правой стороны Западная Двина принимает реку Торопу и реку Жижцу, вытекающую из озера Жижца; тут же недалеко лежит озеро Двино, соединяющееся с Западной Двиной. Смоленской же земле⁶ принадлежала река Кунья, правый приток Ловати, но ее устье находилось уже в области Великого Новгорода.

Но орошение Смоленской земли было гораздо богаче, чем можно представить по сделанному нами перечню рек. Все очерченное нами пространство представляет собой непрерывную нить озер, большей или меньшей величины, соединяющихся друг с другом речками, притоками, частью уже утратившими свое название. Некоторые из озер лежат одиноко, без связи, но нельзя сомневаться в том, что в отдаленные времена они также соединялись с речками, уже исчезнувшими в настоящее время. Едва ли в какой-нибудь другой части восточно-европей-

ской низменности существует такая масса болот, как здесь, на пространстве бывшего Смоленского княжества. Тут они носят название мхов. Отсюда-то происходят топографические имена: Замошье, Мойшинская (земля), которые в таком изобилии покрывают территорию Смоленской земли⁷. Обильная ржавая плесень покрывает эти болота, и вот является целый ряд имен: Ржава, Ржачь, Ржавец, не менее часто встречающаяся на этом пространстве⁸. Как есть незамерзающие болота, так есть тут и крупцы, не замерзающие, короткие притоки⁹. И всё это, и берега рек, и речек, и озер, сухие места, и непроходимые болота, всё заполнено лесом. «В этих лесах никогда еще не ходил топор дровосека, деревья не сажала и не сеяла человеческая рука: одна природа безмятежно царила здесь со времени нынешнего образования мира. Здесь рядом с гниющими остатками старых поколений, густо покрытых зеленым войлоком моха, стройно выделился свежий представитель молодого поколения с сочной темно-зеленой хвоей, а рядом с ним мертвенно бледный, без сучьев и коры, с изломанной вершиной, труп умершего прадеда. Колоссальные деревья завалили дорогу; на каждом шагу могучие массы валежника. В одном месте с чрезвычайным усилием можно перелезть лишь через верхушку свалившегося исполина; в другом – с чрезмерным напряжением пробираться ползком между голы, обсыпанной иглами, землей и стволом, покрытым со всех сторон роскошно густым мохом. За одним препятствием воздвигаются новые, а кучи задних сваленных деревьев неодолимой стеной заслоняют выход, увеличивая страх и приближая опасность. А между тем ни один луч горячего солнца не может проникнуть в этом вечный мрак и не нарушает постоянно влажной прохлады под высоким и страшным древесным сводом»¹⁰. Тут природа, как живое существо, ведет борьбу с человеком. Для самого ничтожного поселения приходится выжигать, вырубать лес; правда, девственная почва дает превосходный урожай, но торжество человека непродолжительно: проходит немного лет, семена деревьев, окружающих отвоеванный у них клочок, покрывают поле, которое вновь начинает зарастать лесом, а еще хуже, кочкарником, и тогда пашня обращается в болото¹¹. Еще кое-как, при тяжких усилиях, возможна борьба на более или менее возвышенных местностях. Поэтому, естественно, население и скопилось именно тут, где чувствовалась под ногами более твердая почва, где враждебные действия природы оказывались слабее. Возвышенные, более или менее открытые места, представляющие цепи холмов, находятся по берегам более значительных рек. Замечательно, что чем значительнее река, тем выше и обширнее эти возвышения; по берегам же речек и речонок эти приподнятые пространства не представляют непрерывного ряда, а являются в виде островов, более или менее удаленных друг от друга¹². Этим явлением объясняется существование массы населенных местностей с названиями: Холм, Холмина и т. д., которыми так богата область кривицкого племени¹³. Таким образом, мы должны искать пути древнейшей колонизации именно по берегам более или менее значительных рек. Если мы бросим взгляд на карту древней Смоленской земли, то увидим, что по реке Днепру, имеющему особенно высокий берег, была большая плотность населения, чем в других местах. Этим же отличаются берега наиболее значительных его притоков¹⁴. Мы ясно видим, что тут именно, по берегам этих рек, шел главный колонизационный путь кривицкого племени.

Но движение племени в том или ином направлении определялось не одним только течением рек с возвышенными, в большей или меньшей степени, берегами. Вся обширная страна эта ясно разбивается на две части, постепенно переходящие одна в другую. С юго-запада на северо-восток мы замечаем постепенный подъем, достигающий кульминационной точки в центральной, или иначе Валдайской, возвышенности, с которой и берут свое начало Волга, Днепр, и Западная Двина. Эта центральная возвышенность соединяется непрерывной цепью с продолжением Карпатских гор, известным под названием возвышенности Авратынской. Цепь эта проходит с юго-запада на северо-восток. Эта цепь не представляет собою резкого приподнятого

возвышения, а является в виде непрерывного просохлого пространства. Яснее она проявляется между верхним течением Днепра и Западной Двины, служа как бы перешейком между центральной возвышенностью, в которую и переходит, и тою возвышенною цепью, к которой принадлежит¹⁵. Этот-то более или менее просохлый неширокий кряж должен был в свою очередь указывать дорогу при расселении племени и вновь заставляет нас предполагать, что движение шло в северо-восточном направлении. Необходимо обратить также внимание на отдельные возвышенности, проходящие между отдельными речными системами. Мы уже видели, что верховья Днепра отделяются от притоков Западной Двины лишь узким извилистым возвышением; гораздо важнее представляется водораздел между рекой Москвой и ее верхними притоками и системой реки Волги, то есть рекой Вазузой и Гжатью. Точно также необходимо заметить водоразделы, отделяющие область рек Десны и Днепра. Они так незначительны, что верхние притоки этих рек изрезают местность в разных направлениях и заходят один за другой своими верховьями. Таким образом, для колонизации в доисторическое время они не могли представить серьезных преград и, хотя и задержали на некоторое время быстроту колонизационного движения, не служат серьезными политическими границами во времена исторические.

Конечно, мы не можем утверждать, что знаем действительно все древние поселения, но на основании и тех фактов населенности, какие имеются в нашем распоряжении, можно видеть, что водораздел между системой рек Волги и Днепра гораздо гуще заселен, чем возвышенное пространство между Окой и Десной и притоками Днепра, Сожем, Ипутью и Вехрой¹⁶. Очевидно, что какое-то племя неудержимо стремилось все на восток и северо-восток, с великой днепровской системы к не менее великой системе волжской. Это направление обуславливалось именно самой природой местности: этому способствовали и течение рек, и протяжение возвышенностей в известном направлении, и вместе старание первобытного колонизатора из непроходимых топей юго-западной части очерченного пространства выбиться на более возвышенную, более сухую местность центральной возвышенности. В этом своем естественном стремлении, споспешествуемом самой природой, колонизирующее племя не могло сворачивать первоначально на юго-восток, переходить из области днепровской вообще в область реки Десны (в частности), ибо в таком случае встречало на своем пути бесконечные болота, непролазные трясины, какими изобилует обширная местность Придесенья¹⁷. Поэтому мы имеем право и теперь уже сделать предположение, что колонизация кривицкая в область рек Десны, Болвы, Вехры и т. д. была сравнительно позднейшая. Кроме всех указанных условий, благоприятствовавших движению кривицкого племени на север и северо-восток, этому способствовало еще одно важное обстоятельство, о котором мы будем говорить в этой же главе.

Природа наградила эту страну, как мы видим, превосходными путями сообщения, и одна из древнейших торговых дорог от моря Балтийского к морю Черному пролегла именно здесь. «И бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру и верх Днепра волок до Ловати и по Ловати внити в Илмерь озеро великое, из негоже озера потечет Волхов и втечет в озеро великое Нево, и того озера выидет устье в море Варяжское...»¹⁸ Так определяет этот путь наша древнейшая летопись. Она знает также и другой путь в Балтийское море: «а Двина из того же леса (Валковского) потечет, а идет на полуношь и внидеть в море Варяжское», а потому «по Двине можно дойти в Варяги»¹⁹. Давно сделано указание, что наш летописец неправильно представлял себе направление этих рек²⁰. Если река Двина течет на север, то в таком случае от верховьев Днепра является два почти параллельных пути, ведущих на север. Между тем один из них ясно определяется. Он шел по Днепру, затем в речку Катынь, из нее волоком в речку Крапивну и озеро Купринское, из него по речке Выдре²¹ в Касплю, которая и приводила затем в Западную Двину²². Эта дорога вела прямо в Балтийское море. Определить посредствующие звенья другого пути, более отдаленного, гораздо труднее²³. Непосредственного волока между

Днепром и Ловатью нет. Дорога должна была переходить от верховьев первого через несколько волоков. Мы имеем сведения, что у верховьев Днепра, там, где сливаются два его истока, был пункт, служивший складочным местом для товаров, идущих с востока на запад и обратно²⁴. Предположение, что с Поволжья товары шли сюда через реку Гжать, вполне вероятно, так как левые притоки последней своими верховьями сближаются с истоком Обши и Днепра²⁵. Следовательно, с некоторым основанием можно допустить, что из Днепра шел путь волоком в реку Обшу. Тогда последовательно товары шли бы через Межу, Западную Двину, Жижцу, озеро Жижецкое, реки Усвяту, Кунью и Ловать²⁶. Но несомненно, что эта дорога была очень отдаленная, и едва ли ее следует включать в состав великого пути. Она могла служить как внутренний путь в Смоленском княжестве. Если мы рассмотрим карту на пространстве между реками Днепром и Ловатью, то, кажется нам, мы найдем путь, действительно проведенный самой природой в виде целого ряда озер, соединяющихся между собою речками или протоками. Не следует забывать при этом, что в отдаленные от нас времена все они были несравненно многоводнее. Вот в каком направлении представляется нам эта дорога. Она шла от Смоленска Днепром; затем в реку Вопь, оттуда в реку Вотрю, волок, один из притоков Ельши, река Ельша, Межа, озеро Путное, Западная Двина, озера Малое и Большое Мошны, река Торопа, озера Либинское и Яссы, озеро Желино, озера Бойно, Бросно, озера Лучанское, Видбино, Заболотье, три озера безымянных, волок в реку Полу, впадающую с правой стороны в Ловать²⁷. Это почти непрерывная водная сеть, равную которой мы едва ли найдем где-либо в другом месте. Невозможно допустить, чтобы путь на Новгород Великий из Смоленской земли шел только через реку Касплю. В таком случае город Смоленск оставался бы в стороне от этого главного торгового пути. В этом случае и город Торопец не теряет своего торгового значения: путь шел все-таки через него. Таким образом, мы предполагаем два направления. Одно – только что нами указанное, другое мы видели раньше. Именно, оставляя реку Обшу в стороне, эта дорога могла идти через Днепр, Вотрю, волоком в один из притоков реки Ельши, в Межу, а затем – река Двина, река Жижца, озеро Жижец, волок, реки Усвята, Кунья и Ловать.

Но в таком случае город Торопец совершенно остается в стороне. Поэтому возможно, что из Западной Двины путь шел по реке Торопе до верховьев, а далее – по тому направлению, какое мы только что указали²⁸.

Посмотрим теперь, нельзя ли определить путь на восток от Смоленска. Немного выше мы видели, что с верховьев Днепра мог быть волок к одному из левых притоков реки Вазузы, впадающей в Волгу около Зубцова. Что путь от Смоленска на восток шел именно по Вазузе, бесспорно доказывается событиями 1216 года: князь Владимир со смолянами соединился с Мстиславом, шедшим из Новгорода Великого, на берегу реки Вазузы²⁹. Это была дорога к Волге, а по ней далее на восток, но был путь и прямее. Он шел сначала по Днепру от Смоленска до Дорогобужа, а далее через реки Вязму, Жижалу, Ворю и Колочу³⁰. Этот путь самый ближайший на восток по Москве-реке, Оке и Волге, но представляет и некоторые неудобства вследствие того, что пересекает реки, а не идет вдоль них; поэтому, нам кажется, держались и другого направления, указанного природой и почти параллельного только что начерченному, именно по Днепру почти до верховья, по одному из его правых небольших притоков в один из левых реки Вазузы, по Вазузе, по Гжати, по Олешне, волок в Москву-реку. Несомненно, движение происходило от Смоленска также через Днепр, реку Вопь, волоком в Обшу, волоком в Осугу, в Вазузу и затем или в Волгу, или в Гжать³¹.

Таким образом, речные системы Волги, Днепра, Ильменя были соединены в самой Смоленской земле. Точно также центр ее был связан речными путями с областью реки Десны. Мы видим походы смоленских князей в Черниговскую землю. Главным образом, они направлялись в область Десны, князья же черниговские при столкновениях со смоленскими постоянно

стремились или к верховьям той же реки, или к берегам реки Угры. Такое направление походов обуславливалось естественными путями сообщения, проходящими в этой местности. Не говоря уже о том, что Сож своим истоком близко подходит к Днепру, а одним из левых своих притоков, именно Хмарой, сближается с рекой

Стрянной, правым притоком Десны, что впадающий в него слева же Осетр вытекает также вблизи последней³². Мы видим, кроме того, что из Днепра можно было пойти в реку Ужу и волоком переташиться в Десну. Затем один из незначительных левых притоков Днепра ниже Дорогобужа волоком соединяется с одной из речек, впадающих справа в Угру, которая, в свою очередь, через Демену соединяется с Шуйцей, правым притоком Снопоти, впадающей в Десну, и с Болвой, принадлежащей также к системе последней реки. Из Угры в Болву можно одинаково проехать и через Городченку, волок – и река Ужать. Река Ока, в которую Угра вливается, соединяется с нею еще через Жиздру, Брынь и Ресу, а с другой стороны она связана с Вязьмой через Жижалу или с Гжатыю через Ворю³³. Мы видели уже, что Двинская система через реку Касплю соединяется с Днепром. Левые притоки последнего, Дрют и Березина, несут свои воды уже параллельно главной реке. Березина своими истоками очень близка к правым притокам Западной Двины и таким образом представляет из себя самую удобную и кратчайшую дорогу из Подвинья в Поднепровье. Водоразделы между Березиной и Дрютью и между последней и Днепром изрезаны поперечными реками, что давало возможность сообщения из Смоленской земли прямой дорогой в землю Полоцкую, а вместе с тем ими пользовались для проведения поперечных укрепленных линий. Из этих рек я укажу лишь на Лахву (приток Днепра) и Вабиць (приток Дрюти), и на Ослик, Клеву и Брусяту (притоки Березины). Была дорога – и сухопутная, и очень прямая. Она шла от города Орши прямо на запад³⁴. В 1128 году Ростислав из Смоленска шел к Дрютску, по всей вероятности, именно этой дорогой, а Всеволод Ольгович на Стрежев двигался по Днепру, а затем по Березине до Борисова³⁵.

Таким образом, мы обзрели главные особенности обширной страны, ставшей ареной деятельности интересующего нас племени кривичей. Мы видим тут все условия для развития обширной колонизации во все стороны и обширных торговых связей, но вместе с тем мы не находим никаких естественных препятствий для встречного движения других племен, для точного определения границ. На водоразделах, там, где перепутываются речные системы, мы должны ожидать появления чересполосицы владений, вместе с этим путаницу правовых отношений и закладку политических столкновений, определявших историческую судьбу Смоленской земли с самых первых моментов ее возникновения. Нет никакой возможности сказать, где начинался или, по крайней мере, где кончался тот или иной водный путь; между тем главные из них с неудержимой силой тянули к себе население; тут возникают те же явления, с какими мы встречаемся на водоразделах, и определяют заранее характер политических отношений страны. Естественные удобства для колонизации во все стороны и со всех сторон, несомненно, должны были породить столкновения на самой территории Смоленской земли различных народностей, определить этнографический состав ее населения. Эти же самые условия не давали никакой возможности сохранять чистые племенные типы: мы должны ожидать здесь этнографическую ассимиляцию в самых широких размерах. Вот выводы, к которым приводит географический обзор Смоленской земли. Мы увидим, что они стоят в полном соответствии с другими фактами, к рассмотрению которых мы теперь и приступаем.

Археологические данные, хотя и немногочисленные, добытые путем раскопок на территории кривицкой земли или сохранившиеся на поверхности почвы, наводят на мысль, что славянское племя кривичей, явившись в этой стране, застало ее уже занятой каким-то иноплеменным населением. Чем далее, тем более археология накапливает факты для определения народности отыскиваемых древностей. В отношении некоторых из открываемых раскопками предметов можно сказать почти с полной достоверностью о месте их происхождения,

но, однако же, далеко не обо всех и не в каждом данном случае. Для решения же вопроса о племени, обитавшем в исследуемой местности, эти вещевые показания не могут служить прочным основанием. Достаточно сказать, что присутствие предметов того или иного типа на известной территории может быть результатом торговых сношений, иногда очень отдаленных. Гораздо большее имеют значение в определении национальности коренных обитателей особенности погребения, те характеристические черты отношения к усопшему, которые являлись следствием религиозных верований обитателей данной территории. В этом отношении археология достигла уже некоторых результатов, и было сделано несколько попыток группировки признаков народности курганов³⁶. Не можем не сказать, что эти попытки не представляют собою последнего слова археологии, которое будет произнесено, может быть, еще не скоро, когда весь, огромный уже, накопленный материал будет приведен в систематический порядок. Главное затруднение состоит в том, что мы не можем найти почти ни одного уголка в пространстве не только России, но и вообще всей Европы, где бы исторические данные не указывали нам или на преемственную смену народностей, или на их смешение. В частности, в отношении России мнение о необходимости предполагать чистые похоронные типы в древнейших центрах поселения русско-славянских племен, как указывает наша летопись, имеет некоторое основание, хотя нельзя отрицать и того, что в первобытной чистоте мы должны искать погребальные обряды на европейской прародине славянского племени, в Прикарпатье³⁷. Действительно, мы находим иногда на более или менее обширной территории десятки курганов с определенным ясно выраженным характером. Летописец, описывая нравы русских славян в дохристианскую эпоху, рассказывает, что они, «егда кто умираше в них, творяху тризну велию и потом, склад громаду дров велию, полагаху мертвеца и сожигаху, и по сем собравше кости, вкладаху в суд (сосуд) и поставляху на распутии на столпе, и в курганы сыпаху, иже творять вятичи и ныне, и кривичи»³⁸. Таким образом, мы должны считать за несомненный факт, что у кривичей совершался обряд сожжения покойников, с поставлением погребальных урн в курганах, на перекрестке дорог³⁹. Но, как оказывается из несомненных фактов, у русских славян существовал не один только обряд сожжения, но и простого погребения с насыпкой курганов, как мы это увидим далее. Что же касается племени кривичей, то данные археологии стоят с известием летописца в полном соответствии. Достаточно сказать, что из разрытого во время одной экскурсии в различных уездах Смоленской губернии 91 кургана 50 заключали в себе обряд сожжения и только в 15 оказалось погребение⁴⁰. Постараемся нарисовать этот преобладающий похоронный тип. Как можно думать на основании имеющегося в нашем распоряжении материала, кривичи устраивали костер, иногда огромных размеров, и клали на него покойника с предметами домашнего обихода, украшениями, а также и с оружием. Затем костер зажигался; когда он сгорал, поверх его насыпали курган, при чем землю брали тут же, вокруг кострища. Но такой способ похорон был менее распространен, чем другой. Приготовив покойника к похоронам, устраивали костер, сжигали покойника без вещей, а затем собирали пепел в горшок и переносили его на другое место, иногда тут же рядом с кострищем. Начинали насыпать курган. Когда насыпь была поднята до известной высоты, на нее ставили погребальную урну, клали около нее вещи, а оружие, как копье, меч, втыкали около нее. Затем сверху доканчивали насыпку кургана. Впрочем, иногда погребальные урны ставились не в середине кургана, а на твердой земле или даже на подложенных под них камнях⁴¹. Если мы теперь обратимся к карте, то область распространения этого обряда трупосожжения, его господства, будет простираться по верхнему течению Днепра, по реке Вопи приблизительно до города Ржевы, на реке Волге, затем к югу от Днепра до верховьев реки Десны или лучше до города Ельни, откуда граница по косой линии к Днепру; затем на правой стороне Днепра определить область его распространения нельзя, хотя по берегу самой реки он всецело господствует⁴². Этот похоронный тип сожжения, при чем пепел собирается или не собирается в урны, не является, однако же, у славян единствен-

ным. Можно только утверждать одно, что там, где мы, на основании других данных, знаем о пребывании славян, могилы с погребальными урнами, среди других, должны быть признаны славянскими, при этом, однако, возможно, что могила будет сделана или только из земли, как мы видели сейчас у кривичей, как мы видим это у северян и в Мекленбурге⁴³, или из камней, причем погребальные урны будут стоять в каменных ящиках и покрыты будут каменной плитой, как это мы находим в Польше и Моравии⁴⁴.

Но оказывается, как мы сказали раньше, что у славян был обряд похорон, состоявший из простого погребения с незначительным различием в подробностях, не составляющим существенной важности. И вот лишь только мы зайдем за город Ельну, вступим в область верхнего течения Десны и реки Сожа, как тотчас попадаем на территорию какого-то племени, у которого преобладающим, если не единственным, типом похорон является погребение. Так, во время одной только большой археологической экскурсии в области реки Днепра и Сожа, Дрюти (нижнее течение), Осетра и Беседи оказалось около 66,7 % курганов с типом погребения и только 33,3 % – с трупосожжением⁴⁵. Самое погребение совершалось таким образом. Покойника клали или прямо на грунт, или в ямы, глубиной 0,5–1,5 аршина. Иногда устраивали деревянный сруб, труп полагали в него. Тут же устраивался костер, на котором, может быть, приносилась жертва, хотя мы склонны также думать, что причина устройства этих костров вблизи лежащего покойника заключалась в веровании в очистительную и предохранительную силу огня. На это указывает, по нашему мнению, тот факт, что не только зажигали около покойника такой костер, но и клали затем труп на потухшие угли. Рядом с покойником клали, как при трупосожжении, разные вещи и ставили горшки с пищей, останками сожженных животных. Затем все это засыпалось землей, воздвигался курган⁴⁶. Находимые в курганах арабские монеты XI века⁴⁷ указывают нам на племя, хоронившее таким образом своих покойников. В XI и XII веках, по известию летописи, между Днепром и Сожем жили радимичи⁴⁸. Простое погребение мы находим также и у дреговичей⁴⁹, и у древлян⁵⁰. Если мы перейдем теперь к северу от Днепра, в область озера Ильменя, на территорию ильменских славян, в Псковскую и Полоцкую земли, по обеим сторонам реки Двины, то есть, в области тех же кривичей, мы находим трупосожжение как преобладающий тип похорон, причем урны встречаются в курганах чаще, чем кострище⁵¹. Таким образом, при обрядах погребения или сожжения у русских славян курган насыпался просто из земли, причем для нашего вопроса не имеет значения, какая для этого бралась земля: песок, мергель, чернозем и т. д. Нам важно констатировать лишь одно, *что восточные славяне другого материала, кроме земли, для сооружения могил-курганов не употребляли*. Из приведенных нами фактов оказывается, что и в земле кривичей и радимичей при господствующем обряде встречаются случаи, и сравнительно довольно многочисленные, когда над покойником совершен был обряд иной, простого погребения (у кривичей) и сожжения (у радимичей и дреговичей)⁵². Мало этого. В области верховьев реки Западной Двины, Волги и Днепра мы также находим курганы с погребальным обрядом⁵³. Из 28 курганов, разрытых на пространстве между Днепром, Волью и городом Ельной, всего только один оказался заключающим в себе обряд погребения⁵⁴. Но по правую сторону Днепра, по верховьям Западной Двины, наоборот, такой тип открыт во время одной экскурсии в 18 курганах. Стало быть, приходится думать, что на территории смоленских кривичей, по левую сторону Днепра, был похоронен случайно иноплеменник. Но далее является уже не случайность, а обнаруживается пребывание какого-то населения, которое следовало при похоронах обряду погребения. Затем, если мы обратимся к земле радимичей, то должны будем, кажется, признать, что обряд сожжения или принадлежал колонистам северянам, или появился у наших радимичей под северянским влиянием, потому что курганы такого типа расположены в южной части области радимичей, по берегам рек Беседи, Сожа и Днепра, то есть в соседстве с землями северян⁵⁵, и только

один случай трупосожжения мы находим между реками Дрютью и Днепром (на высоте Дрютеск-Копысь)⁵⁶, что может быть объяснено совершенно случайным погребением кривича или, пожалуй вернее, распространением кривицкой колонизации по верхнему течению реки Дрюти. Нахождение курганов с погребением у верховьев Днепра, Волги и Западной Двины заставляет предполагать существование этого похоронного типа и у кривичей. Действительно, факт простого погребения с насыпкой земляных курганов мы находим в области Западной Двины, в области древних полочан и ильменских славян. Такие курганы мы находим на берегах реки Волхова, около старой Ладоги⁵⁷, в Витебской и Минской губерниях⁵⁸.

Но рядом с этими памятниками славянской древности на обширной территории кривицкого племени мы замечаем несколько таких, которые отличаются своей особенностью, оригинальными чертами, резко отличающимися от присущих могилам славянским. Начнем наш обзор с левого берега Западной Двины. По берегам рек Начи и Уллы, впадающих в Западную Двину, тянется множество курганов, обложенных камнями⁵⁹. Около города Логойска существуют они также в большом количестве⁶⁰. На реке Березине, около города Борисова и далее на запад от этой реки встречаются могилы с каменными сводами над покойником или пепел от сожжения покрыт большим камнем. Подобные же могилы есть и на берегах реки Бобра, впадающего в реку Березину⁶¹. Вообще к югу от Западной Двины попадают еще гробницы внутри земли без всякой насыпи над ее поверхностью. Иногда они обозначаются небольшой продолговатой фигурой из положенных камней или рядом камней вокруг на пространстве гробницы, а в головах стоит большой камень; иногда они покрыты большим камнем или плитой. Что касается внутренности гробницы, то она представляет собой четырехугольный ящик, продолговатый, из плоских больших камней или плит, вымощенный на дне камнем и покрытый одной или несколькими каменными плитами⁶². Если мы теперь перейдем на северный берег Западной Двины, то и там наткнемся на подобные же факты. В Витебской и Псковской губерниях существуют могилы, имеющие внутри камни или каменные камеры, покрытые сверху каменной же плитой⁶³.

Иногда куча пепла покрыта только плитой⁶⁴. По берегам реки Ловати встречается особый тип могил, носящих в народе название «жальников». Все эти курганы без исключения обложены по основанию рядом, а иногда и двумя рядами камней; внутри гробница состоит из груды камней, покрытых одним большим камнем в форме плиты. Эта постройка, по словам производившего раскопки, близко подходит к друидическому дольмену⁶⁵. Снаружи характеристической чертой являются правильные фигуры, по большей части, в виде кругов, прямоугольников или квадратов, сделанные из валунов или из огромных, торчмя стоящих, каменных плит. Иногда внутри, по бокам ямы, стоят две такие же плиты, причем величина их достигает до трех аршин высоты и до двух аршин ширины⁶⁶. Таким образом, мы можем рассматривать указанные нами памятники как виды одного рода, так как отличительным признаком их является присутствие камней, каменных плит, внутри или снаружи могилы. Как мы видели, большой сравнительно материал, добытый при исследовании могил славянских, не дает нам этих характеристических особенностей, а потому приходится искать их в другом месте. Прежде всего, аналогичные только что описанным явления мы находим на юге России. Так, в Уманском уезде Киевской губернии существуют могилы, обставленные валунами довольно значительной величины, которые составляли круг⁶⁷. Точно также в Александровском уезде Екатеринославской губернии некоторые могилы по окружности основания, а иные и по всей поверхности обложены камнем⁶⁸. Оставляем вопрос о народности этих курганов как не входящий в наши цели, но не можем не указать на сходство некоторых из них с сибирскими, о чем говорилось археологами не раз⁶⁹. Если эти похоронные памятники далеко лежат от территории кривичей, то

взамен них мы укажем такие же и в местностях, ближайших к кривицкой области. В Бежецком уезде Тверской губернии мы находим круги торчмя стоящих камней, а иногда и сами курганы расположены в виде кругов, или встречаются целые кладбища, на которых в большом количестве стоят большие одиночные камни в наклонном положении⁷⁰. Поднимаясь далее на север, этого рода памятники располагаются по реке Луге и ее притоку Ордежу. И здесь они являются в виде могил, обложенных камнями по основанию, причем иногда стоят камни торчмя на самых могилах⁷¹. Тут мы попадаем уже в область финноугорских племен. С особенной силой выступает этот тип могил в области финского племени воти, входившего в состав Вотской пятины Великого Новгорода. Курганы воти обложены гранитными валунами; внутри могил также оказываются камни, причем покойник или прислонялся в сидячем положении к одному из камней, или последний служил ему изголовьем⁷². Другие финские племена, ливы и эсты, точно также обкладывали могилы камнями, или обозначали их фигурами из мелких камней на поверхности земли, причем иногда внутри устраивались камеры из плит⁷³. В Финляндии сохранились предания о первобытном населении, чуди, которой приписываются могилы, построенные из камней⁷⁴. Таковы показания археологические местностей, соседних с территорией кривичей. Те же факты мы найдем и далее, а особенно выдающимся является известный Ананьинский могильник в области древнего Болгарского царства: те же каменные плиты внутри, обкладка камнями снаружи⁷⁵. Очень близко к перечисленным памятникам стоят могилы Сибири. Мы найдем там и огромной величины плиты, поставленные в наклонном положении на могилах в виде монументов, и могилы, обставленные торчмя стоящими камнями; видим там каменные плиты внутри самых курганов⁷⁶.

Мы не решаемся из приведенных фактов делать вывод о племенной принадлежности могил с камнями, но нам кажется возможным вывести из них лишь одно заключение, что на территории кривичей, взятой во всем ее объеме, существовало в разные эпохи не одноплеменное население, а было разнородное, и если мы припишем одни признаки похорон славянам, то другие придется отнести на счет какого-то чуждого им племени⁷⁷.

Несомненно, что до появления в Европе ариев эта часть света была уже занята каким-то населением, которому приписываются некоторыми учеными каменные орудия, находимые на всей европейской территории вообще и в частности на почве России⁷⁸. В настоящее время все более и более устанавливается мнение, что таким первобытным населением была одна из ветвей урало-алтайского племени, именно ветвь чудская⁷⁹. К такому выводу привело развившееся в широких размерах и притом глубокое изучение урало-алтайских и, как ветви их, финских языков. Прародиной чудского племени считается область у Алтайских гор и к северо-востоку от них по равнинам Сибири⁸⁰. Мало-помалу чудское племя распространилось на огромные пространства и колонизировало Европу. Распространение его уже на европейской территории и интересно для нас, главным образом, со стороны вопроса о первобытном населении кривицкой области. Несомненно, что все пространство по среднему течению реки Волги, на восток от нее до Уральских гор, на северо-восток и север до Ледовитого океана и Белого моря, оба берега Финского залива и берега Балтийского моря заняты были угро-финским племенем. Как известно, к нему принадлежат частью еще существующие, частью исчезнувшие народцы: меря, весь, мурома, ливы, эсты, куры, финны в Финляндии, мордва, черемисы, карелы, зыряне, вотяки⁸¹.

Природа страны представляла все удобства для обширного распространения этого племени во все стороны, и, действительно, в доисторические времена мы видим существование финских поселений в таких местностях, где в историческую эпоху живут уже чуждые им арии.

Черноморские степи России некогда заняты были, как известно, скифами. Вопрос о племенной принадлежности этого народа решался различным образом. То видели в них монго-

лов, то ариев; но раздавались голоса и в пользу их финнизма⁸². Нам кажется, можно признать лишь одно, что, судя по имеющимся историческим и лингвистическим данным, скифы, как и принимается теперь, есть термин географический, а не этнографический, и что в числе народов, скрывающихся под этим именем, были и финского происхождения. Таким образом, приходится допустить распространение угро-финского племени далеко на юг. Но не одно только это соображение приводит нас к такому заключению. В настоящее время на скифов устанавливается новый взгляд. Изучение дошедших до нас скифских слов и эпиграфического материала, заключающегося в надписях, открытых в развалинах черноморских греческих колоний, — заставляет видеть в скифах народ арийского в широком смысле, и эранского, или иранского, происхождения в тесном значении, то есть родственный, если не тождественный, с осетинами, и теперь живущими на Кавказе⁸³. Оказывается, что угро-финны подверглись в доисторическая времена сильному иранскому влиянию, что доказывается присутствием осетинских корней и целых слов в угро-финских языках⁸⁴. Мы не знаем, как далеко на север простирались скифско-эранские поселения: но можно, кажется, сказать, что угро-финское население спускалось далеко на юг, даже в нынешнюю Малороссию⁸⁵.

Прежде чем следить далее за распространением его по Европе, нам необходимо сказать несколько слов по поводу одного весьма важного при решении подобных вопросов материала, именно топографической номенклатуры. Несомненно, пользование этим материалом с историко-географическими целями весьма опасно и не раз уже приводило исследователей к шатким выводам, но все зависит от того, для решения какого вопроса мы воспользуемся топографической номенклатурой. Применяли пользование ей для определения этнографических границ славянских земель путем подыскивания созвучных названий. Такой способ исследования не может, конечно, не привести иногда к неправильным заключениям. Так, наших кривичей мы можем отыскать и на территории Греции⁸⁶. Географических названий с корнем *крив* мы найдем много и в области племени северян. Такие урочища, как Кривое озеро, Кривой рог, Кривичи, Кривка и т. д. могут ли указывать на границы распространения племени кривичей? Мы не знаем, какие причины создали такое имя для данного урочища; не есть ли данное имя простой выразитель главного признака данной местности? В силу родственности русско-славянских племен, каждое из них могло давать урочищам тождественные названия. Но отсюда еще не следует, что топографическая номенклатура совсем не может ничего дать исследователю. Она может сослужить важную службу, если мы пожелаем определить этнографическое распространение двух *неродственных* племен и направление их колонизации. В этом случае, соображения относительно пользования подобным материалом, высказанные очень давно Надеждиным, кажутся нам вполне основательными⁸⁷. Не нужно доискиваться, что, собственно, значит каждое название; довольно, если определится его происхождение, если откроется, какому языку принадлежит оно. Мы думаем, что главное значение в топографической номенклатуре имеют названия урочищ, то есть гор, рек, озер, а не населенных местностей, так как судьба последних крайне изменчива, их существование и исчезновение с лица земли стоит в зависимости от множества случайностей, а между тем далеко не всегда новое поселение получает имя прежнего, хотя бы жители его были и старые. Но и новые пришельцы не изменяли старых названий у природных урочищ. В этом случае наблюдается, действительно, важное явление. «На всем лесном севере России, за реками и озерами, новгородские славяне до наших дней сохранили их первоначальные чужеземные имена, объяснимые только языком народов финского или чудского племени. Исключения так ничтожны, что славянам не удалось дать своих имен не только крупным рекам и озерам, но даже и мелким речкам притокам, запрятанным в самых глухих лесных трупцах. Обстоятельство это настолько существенно, что именами этих урочищ и в настоящее время можно определить грани земель, занятых фин-

скими племенами, и выделить те земли, на которых славянские племена были и первыми пришельцами, и коренными жильцами»⁸⁸.

Признавалось и раньше, что центральная Россия была некогда занята угро-финскими⁸⁹ поселениями, но оказывается, что следы этого племени сохранились в топографической номенклатуре и гораздо южнее. Так, некоторые реки южной России носят имена, созвучные с номенклатурой северо-восточных областей⁹⁰. В топографических названиях далее Курской губернии можно найти некоторые, объясняющиеся из угро-финских языков, не говоря уже о губернии Черниговской⁹¹.

Если мы теперь обратимся к западу, то увидим факты, указывающие на еще более широкое распространение угро-финского племени. Так, в языках датском, франкском, иберийском и баскском находят заимствования из языков финских⁹². В свою очередь финны взяли много слов у готов⁹³. В топографической номенклатуре Германии, Италии и Франции находят следы пребывания там финнов в доисторическую эпоху⁹⁴.

Если мы обратим теперь внимание на географическое положение кривицкой области, то окажется, что она лежит в середине этого обширного пространства, на котором, как мы видели, есть основание предположить расселение угро-финского племени в доисторические времена, а потому нельзя допустить, чтобы территория, лежащая на самом важном колонизационном пути, на соединении Волжской и Днепровской систем, осталась почему-то обойденной, не захваченной этим первобытным населением. И действительно, мы имеем данные, дающие возможность отвечать на этот вопрос утвердительно.

Считается несомненным, что большая часть рек с окончаниями на *ва, га, ма, ра, са, ша* и *за* носит имена угро-финские, изменившиеся в устах позднейших славянских колонистов и потерявшие всякий смысл, или переделанные для осмысления на славянский лад⁹⁵. Никто не сомневается, что земли по реке Москве, Клязме, Угре, Жиздре и Оке принадлежали угро-финским племенам; но вместе с ними идут: Икша, Шоша, Руза, Пахра, Протва; подвигаясь на юг и юго-запад, мы найдем реки с именами: Пюмень, Мордвеза, Тюмень, Мышега, Клютома, Нугра, Таруса, Болва, Витьма, Вехра (Вахра), Удога, Езва и даже сам Сож едва ли объясним из языка славянского. Если от Москвы-реки мы двинемся прямо на запад, то попадаем к верховьям Днепра, а перейдя последний, достигнем двинского бассейна. Это местности, где, по сказанию летописи, находилось ядро кривицкого населения. Между тем и здесь угро-финны оставили следы своего пребывания в топографической номенклатуре. На этом пространстве от востока к западу мы находим имена: Желонга, Берега⁹⁶, Исма, Рема, Вазуза, Костра, Сежа, Осуга, Вязма, Осма, Воп(ь), Вопец⁹⁷, Надва, Обша, Ельма, Сапша; затем или реки, или поселения: Полга, Толва, Сига⁹⁸. Перейдя затем к верховьям Волги, мы и тут найдем то же самое. Во-первых, самое имя *Волга* должно быть, как кажется, причислено к категории только что перечисленных. Тут же оказываются по обе стороны Волги: Симога, Серема, Цна, Емша, Тюдьма, Сорога, Млинога, Ажева. Приходится и верховье Поволжья считать областью угро-финской и удалить с нее кривичей как первоначальных насельников. Третий пункт, верховье реки Западной Двины, точно также не может остаться за кривичами. Уже имя *Двина* – не славянского происхождения⁹⁹. Кроме вышеуказанных имен: Обша, Сопша, Емша, на пространстве между Западной Двиной, Торопой и Ловатью мы находим: Дапша, Перегва, Комша, Ока, Олио, Але, Насва. Даже новгородская река Шелонь носила некогда другое название – Сухона¹⁰⁰. Если мы направимся теперь вдоль течения Двины, по ее северному берегу, то встретим имена: Ижма, Оша, Спастерей, Лосма, Перевза, Олола, Каруза, Иса, Оршо. Нам остается перейти на левый берег Западной Двины и на правый берег Днепра. Казалось бы, что тут мы должны попасть на территорию, чуждую по своей топографической номенклатуре всякому финнизму. Действи-

тельно, редко, в виде единичных случаев, но, тем не менее, и здесь попадаются аналогические имена. Встречаются Цна, Волма, Олса, Жижма и Вижна. Приводя эти факты из топографической номенклатуры, мы думаем, что воспользовались далеко не всеми, предоставляя полностью собрать их знатокам угро-финских языков, но предполагаем, что и приведенных данных достаточно для обоснования той мысли, что в отдаленнейшие эпохи славянское племя вообще не занимало той обширной территории, назначаемой для его европейской прародины, которой может быть признано лишь Прикарпатье в тесном объеме; тем более мы не можем признать за исконные области кривичей ни верхнее Подвинье, ни Поднепровье: нам приходится отодвинуть это племя далеко на юго-запад и исходным пунктом колонизации считать северо-восточные отроги Карпатских гор¹⁰¹.

Позволим себе теперь остановиться на одном соображении, которое в ряду с другими получает, по нашему мнению, некоторое значение. У финнов западных существует для русских два имени: *Venoa* и *Kriev*, Русская земля называется *Venoama* и *Krievma*¹⁰². Обыкновенно народ называет своих соседей по имени ближайшего к нему их племени или колена. Каким образом здесь мы находим двойное название для одного и того же народа? Можно дать такое объяснение, что *Venoa* явилось при первом столкновении финнов с ильменскими славянами, а потом было перенесено на всех русских славян; что затем, когда приблизились к финнами кривичи, первые, ознакомившись с последними, усвоили их племенное имя, которое и перенесли затем на всех восточных славян. Но, как мы увидим далее, ильменские славяне – те же кривичи и, судя по народным преданиям, также называли себя в древности последним именем. Кроме того, раз установившееся для славян имя *Venoa* должно было удержаться как первое, ранее укоренившееся, или получить частное значение, а мы видим, что и оно и имя *Kriev* имеют значение общее. Это соображение не теряет своей силы даже и в том случае, если мы предположим, что имя *Venoa* получило свое начало при знакомстве финнов со славянами балтийскими. Мы имеем указание, что имя *Venedi*, из которого, конечно, и произошло *Venoa*, долго держалось на юге. В письме хазарского кагана Иосифа, писанном около 960 года к испанскому министру финансов Хосдаи Ибн-Шапруту, славяне названы *Venentep* или *Ванантор*. Последнее, несомненно, есть измененное *Veneti*, вариант *Venedi*¹⁰³. В VI веке еще вся масса славян носила это имя, хотя и разбивалась уже на два больших колена: *Sclavi* и *Antes*, как об этом говорит Иорнанд¹⁰⁴. Трудно предположить, чтобы имя *Veneti* дошло до Хазарии длинным путем с берегов Балтийского моря через Поволжье. Естественнее допустить, что оно за все время от Иорнанда до Иосифа не исчезло и не принадлежало исключительно славянам балтийским. Необходимо обратить внимание еще и на следующий факт. Латыши, и вообще литовцы, знают для русских только одно имя *Kreews*, то есть кривич¹⁰⁵. У них нет, насколько нам известно, никакого намека на имя *Venedi* или *Veneti*. Чем объяснить это явление? Перечисляя народы, покоренные Германрихом, Иорнанд между прочим упоминает мерю, мордву, чудь и др.¹⁰⁶ Сомнительно, чтобы власть готского короля простиралась так далеко на север, в область среднего течения реки Волги и нижней Оки. Едва ли не следует здесь видеть указание на факт обитания угро-финских племен гораздо южнее, что стояло бы в прямом соответствии со всеми вышеприведенными фактами. Имя *Venoa* для русских славян может вести свое начало от финнов с того отдаленного времени, когда они соседили на юго-западе нынешней России со славянским племенем еще до окончательного раздробления его на отдельные колена. Имя *Kriev* указывает на момент этого распада и на ближайшие затем отношения, по большей части враждебные, к передовому русско-славянскому племени, кривичам, шедшим в авангарде колонизации. Тот факт, что у литовских племен для русских славян есть одно только имя *Kreews*, доказывает только, что в отдаленнейшую эпоху, когда русские славяне группировались у Прикарпатья, они были отделены друг от друга угро-финскими поселениями, а затем столкнулись уже во время

разлива русско-славянской колонизации, во главе которой шли кривичи. О движении литовского племени мы будем говорить несколько ниже.

В настоящее время нам не приходится останавливаться долго на описании колонизационного движения угро-финского племени. Мы отметим здесь лишь те факты, которые имеют ближайшее отношение к интересующему нас вопросу. Вначале мы замечаем поступательное движение угро-финнов на запад. Так, племя емь из Заволочья постепенно придвигается и занимает нынешнюю Финляндию. Есть основательное предположение, что весь и емь составляли лишь колена одного племени, причем весь обитала значительно западнее, чем живут в настоящее время остатки этого племени под названием *Vepsa*¹⁰⁷. Несомненно также, что в языке мордвы сохранилось много литовских слов, а самый язык близко стоит к западно-финским, что указывает на пребывание этого народа гораздо западнее, чем в настоящее время¹⁰⁸. По всей вероятности, также и ливы в отдаленнейшую эпоху занимали весь правый берег Западной Двины, что видно из их преданий и из топографической номенклатуры¹⁰⁹. Весьма возможно также, что поселения корси были расположены в позднейшей Новгородской области и занимали ее юго-восточную часть¹¹⁰. В сопоставлении с раньше приведенными фактами эти данные говорят также в пользу заключения, что вся та территория, на которой в историческую эпоху мы видим действующими кривичей, была занята угро-финскими народами.

Наша летопись, при перечислении инородческих племен, указывает и на отдельные народцы литовского племени. Так, мы находим литву, зимеголу, летьголу¹¹¹, причем они помещаются на тех местах, где находятся в настоящее время. Но есть основание думать, что правый берег Западной Двины никогда им не принадлежал. Это доказывается существованием топографических названий угро-финского происхождения, во множестве сохранившихся в указанных местностях. В преданиях ливов мы встречаем намек на насильственное подчинение, на вытеснение их с мест прежних поселений латышами. Среди латышского населения сохранился почти до последнего времени остаток этого первобытного ливского населения в виде кривингов¹¹². Таким образом, литовское племя в доисторические времена начало колонизационное движение по берегу Западной Двины. Как угро-финны подвигались с востока на запад, так литовское племя, благодаря тем же условиям местности, направило свою колонизацию на восток. К несчастью, в нашем распоряжении нет уже теперь того материала, который послужил при определении распространения племен угро-финских. Топографическая номенклатура наших западных областей до сих пор с этой стороны совершенно не подвергалась разработке. Раньше нам приходилось приводить археологические данные, указывающие на пребывание в доисторическое время на правой стороне Днепра, в области кривичей, какого-то инородного населения, чуждого позднейшим колонистам, славянам. Может быть, в числе этих оригинальных памятников некоторые должны быть приписаны литовскому племени, но мы не решаемся ничего сказать утвердительно, не чувствуя себя достаточно компетентными в подобных вопросах¹¹³. Существуют мнения о распространении литовского племени в отдаленнейшие эпохи до берегов реки Припяти на юг¹¹⁴. Что касается расселения его на восток, то тут могут до некоторой степени помочь косвенные указания. Замечено, как сказано выше, что в языках угро-финнов сказывается сильно влияние на них литовского языка¹¹⁵, притом на такие отдаленно живущие племена, как мордва. Если по языку последняя принадлежит к западным финнам и, следовательно, некогда обитала ближе к западу, то, с другой стороны, можно предположить также и проникновение литовского племени на левую сторону Днепра, распространение его поселений в восточном направлении гораздо далее, чем мы это видим в настоящее время. Наша древнейшая летопись сообщает, между прочим, странный на первый взгляд факт о существовании по берегам реки Протвы какого-то народца, носившего имя *голядь*. Эти известия крайне отрывочны. В 1058 году «победи Изяслав *голядь*», а в 1147 году «шед Святослав

и взя люди *голядь*, верх Поротве»¹¹⁶. При перечислении литовских народцев Дюсбург, древнейший прусский летописец, упоминает землю *Galindia* и народ *Galinditae*¹¹⁷. Упоминание об этом народе мы встречаем в очень отдаленную эпоху. Император Валузиан, в III столетии по Р. Х., носит прозвище: Финский, Галиндийский, Венедский (*Φγιονχοδ, ΤαΧιvSixog, OvevSipog*)¹¹⁸. Голядь, голяди, *Galindia* и *Galindi* так близки друг к другу, что едва ли возможно видеть здесь простое созвучие, и весьма возможно, что в лице голяди перед нами является обрывок литовского племени, забравшийся чересчур далеко в своем колонизационном движении на восток и отрезанный затем от главной массы движением племени славянского¹¹⁹.

С вопросом о расселении литовского племени тесно связан другой – об образовании белорусского наречия. Несомненно, тут связываются влияние местности, историческая судьба племени кривичей, радимичей и отчасти вятичей, но нельзя отрицать также и влияния между племенных отношений в доисторическую эпоху. Оригинальные особенности наречия появляются в областях Полоцкой, Смоленской, Новгородской и Псковской еще в такое время, когда ни о каком политическом влиянии Литвы не может быть речи. Укажем хотя бы на торговый договор 1229 года, в котором уже ясно слышны звуковые особенности белорусского языка¹²⁰. Оказывается, что потомки кривичей на среднем Поволжье говорят впоследствии на великорусском наречии, а по Западной Двине, по правому, а отчасти и по левому берегу Днепра – на белорусском. То же самое, хотя в меньшей степени, случилось с вятичами. Так, самая западная часть Орловской губернии, именно часть Брянского уезда Орловской губернии, – говорит по-белорусски, и поселения жителей, объясняющихся на этом диалекте, тянутся спорадически по Мглинскому и Сурожскому уездам, до пределов Малороссии¹²¹. Чем объяснить этот факт, что одно и то же племя, кривичей, говорившее некогда, конечно, на одном наречии, является затем объясняющимся на двух различных диалектах? Единственное объяснение, какое, по нашему мнению, здесь возможно, заключается в том, что две половины одного и того же племени – кривичей, вятичей, все равно – попали в доисторическую эпоху под разные этнографические влияния, которые и оказали различное воздействие на музыкальную, звуковую сторону их языка. Насколько мы знакомы с наречиями великорусским, белорусским и малорусским – различие их состоит не в обилии особенных слов, а в звуках, в музыкальном отношении. Несомненно, эти звуковые особенности в значительной степени обязаны смешению разнородных племенных элементов в доисторическое время, взаимному чисто музыкальному влиянию одного языка на другой. Если мы присмотримся к географическому распространению наречий, то не можем не заметить интересного факта. Великорусское наречие господствует во всех тех областях, где в доисторическое время констатируются угро-финские поселения. Точно так же там, где распространен язык белорусский, мы можем предполагать в доисторическую эпоху распространение литовского племени. После сказанного нами, конечно, сам собой появляется вопрос – каким образом мы представляем себе ход славянской колонизации? К этому вопросу мы теперь и приступаем.

В настоящее время не подлежит сомнению, что европейской прародиной славянского племени было Прикарпатье¹²². Из этого центра началось движение славянской колонизации во все стороны в виде радиусов. Я уже говорил выше, что расселение в стране, покрытой сплошными первобытными лесами и болотами, должно было совершаться по берегам рек, большая часть которых имеет приподнятые берега. От Прикарпатья расходятся в разном направлении реки. Достаточно указать Вислу, Западный Буг, Припять, Днестр. Их-то берега, а потом и берега их притоков, служили путями для колонизационного движения. Та часть славянского племени, которая в историческое время является под именами угличей и тиверцев по берегам Черного моря, спустилась туда по побережью Днестра. Является вопрос, каким образом колонизировались области по Днепру, Западной Двине и Десне? В этом именно вопросе археология может оказать значительную услугу. Замечено, что по берегам реки Припяти существо-

вали два похоронных типа, причем дреговицкий тип присутствует к югу от упомянутой реки. Точно также к северу от нее является смешение похоронных типов. Важно при этом то обстоятельство, что дреговицкий тип, спорадический на юге, является преобладающим на северном берегу реки Припяти. Затем в углу, образуемом реками Днепром, Припятью и Березиной, на территории весьма не обширной, мы находим смешение погребальных типов, из которых один – несомненно дреговицкого происхождения¹²³, что касается другого типа, то едва ли не придется признать его кривицким. Мы указывали уже раньше, что по берегам рек Беседи, Сожа и Днепра, в южной части области радимичей, встречается похоронный тип сожжения, и сделали предположение, что это есть результат северянского влияния на радимичей; но этому факту может быть дано и другое объяснение. Мы решаемся высказать предположение, что это смешение погребальных типов по берегам реки Припяти, в углу между реками Припятью, Березиной и Днепром, в углу между Сожем, Беседью и Днепром, есть результат колонизационного движения русско-славянских племен из Прикарпатья. Весьма возможно, что распадение на отдельные племенные единицы произошло еще на прародине славянского племени, что предполагается и по отношению ариев¹²⁴. Тогда же могли усвоиться этим отдельным коленам особые названия по случайным обстоятельствам, особенно по характеру местности, которую занимало то или иное колено. Домыслы нашего старого летописца о том, что поляне прозвались так, потому что жили в полях, а древляне – потому что жили в лесах¹²⁵, конечно, не могут иметь значения хотя бы потому уже, что и поляне попали на новых местах своего обитания в такие же первобытные леса, как и древляне, и последние, как и первые, занимались земледелием. К тому же он отказывается дать объяснение для таких других имен, как кривичи, северяне, дулебы, тиверцы, углича¹²⁶. Тайна этих названий кроется, несомненно, в обстоятельствах жизни русско-славянских племен еще в Прикарпатья. Колонизацию свою русские славяне начали, уже распавшись на отдельные племена. Не может быть сомнения в том, что племена, занимающие в историческое время более отдаленные местности к северо-востоку и северу, двигались впереди других. Таким образом, в северо-восточном направлении первыми колонизаторами являются кривичи, в восточном направлении – северяне. За ними следуют по порядку поляне, древляне; но раньше последних двинулись дреговичи, которые были вытеснены с южного берега реки Припяти древлянами; часть древлянского племени перешагнула и на северную сторону Припяти. Этим объясняется незначительное количество случаев похорон дреговичей на южной стороне этой реки и смешение погребальных типов в углу между Припятью, Березиной и Днепром. Дреговичи в своем движении натолкнулись в этом месте на более ранних колонистов кривицкого племени и вытеснили их отсюда за реку Днепр, вернее же, движение кривичей направилось по течению Березины и правых притоков Припяти, затем по берегам левых притоков Западной Двины, пока не достигло последней. Тут для кривицкого племени открывалась дорога на запад по берегам Западной Двины, на север через правые притоки последней, которые приводили кривичей к системе рек Великой и Волховы; на восток Западная Двина вела их в область реки Днепра. Этим движением кривицкого племени и постепенным вытеснением его дреговичами и объясняется, по нашему мнению, нахождение к югу от Западной Двины могил с кривицким похоронным типом сожжения; таким именно ходом колонизации объясняется та спорность границ между Полоцкой и Киевской землями, какую мы наблюдаем в историческую эпоху. Дреговицкая земля не образовала отдельного обособленного политического целого, а причислялась к Киевскому княжеству; в силу этого киевские князья постоянно претендуют на Минск, так как он, вероятнее всего, лежал еще на дреговицкой территории¹²⁷. Но на него изъявляют свои права и князья земли Полоцкой, князья кривицкие, и в силу именно того обстоятельства, что на левой стороне Западной Двины кривичам удалось закрепить за собою некоторые пункты, как остатки от некогда бывшего заселения ими области к югу от Западной Двины. Таким только образом, кажется нам, примиряются друг с другом и известие летописи о

расселении дреговичей от реки Припяти до Западной Двины¹²⁸, подкрепляемое археологическими данными¹²⁹, и факт существования кривицкого похоронного типа к югу от упомянутой реки¹³⁰, и причисление Минска к числу городов кривицких¹³¹.

Несомненно также, что ильменские славяне представляют собой не более как часть великого кривицкого племени. Характер местности представлял все удобства для обширной колонизации на север: верхние и правые притоки Западной Двины переплетаются с реками областей Псковской и Новгородской; естественных преград нет никаких. Что новгородцы носили имя *словене* и удержали это имя навсегда, — этот факт объясняется просто тем, что они как передовые колонисты кривичей, столкнувшись на север от Западной Двины со сплошным населением финского племени, назвав это население чудью, в отличие от него именовали себя *словене*, оставаясь в то же время кривичами. Память об этом имени долго жила в народных преданиях Новгородской области, хотя, конечно, в искаженном виде¹³². Мы раньше видели, что похоронный тип, наблюдаемый в курганах области Ильменской и Смоленской, один и тот же — это преобладающее сожжение¹³³. Кроме того, мы находим прямое указание, что славянское население Псковской области представляет собой кривичей. Так, одна из летописей, рассказывая о призвании варягов и занятии Трувором Изборска, добавляет: «а то ныне пригородок псковский, а тогда был в *Кривичех* большой город»¹³⁴, но в одно и то же время этот город носил название Словенска, а ключи, протекающие подле него, Словенских ключей¹³⁵. Как след колонизации кривичей с верховьев Западной Двины в область Ильменя долго сохранялось для Торопца другое имя *Кривич*, или *Кривитебск*¹³⁶.

С верховьев Западной Двины не трудно было перешагнуть в область верхнего течения Днепра. Что колонизация кривицкого племени шла именно в таком направлении с запада на восток, к этому приводит еще и следующее соображение. Прежде всего, обращает на себя внимание известие летописца в рассказе о расселении русско-славянских племен. «А другии (Славяне) сели на Полоте, иже и полочане. От них же и кривичи, иже сидят на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же и город есть Смоленск: ту-бо сидят кривичи»¹³⁷. Далее при перечислении русско-славянских племен находим объяснение, что «и в Полотъске кривичи»¹³⁸. Таким образом, полочане являются такими же кривичами, как и славяне смоленские. Мало этого. В этом летописном рассказе ясно указывается и самое направление колонизации кривичей с берега Западной Двины к верховьям, как ее, так и рек Волги и Днепра. Древнейшими поселениями кривичей приходится признать двинские, полоцкие, а самый Смоленск, появившийся еще в доисторические времена, представляет из себя город кривицких колонистов, пригород полоцкий. Сообщение летописца о том, что у кривичей главный город — Смоленск, не имеет значения, так как явилось в конце XI или XII веках, когда Смоленск действительно или начинает играть, или уже играет политическую роль. Но такого значения первоначально он не имел. Достаточно повнимательнее приглядеться к другим летописным известиям, чтобы убедиться в этом вполне. Скомкав в одно факты различных эпох, наш летописец не сумел окончательно стереть в них давней исторической действительности. Летопись в известной легенде о призвании варягов, делая участниками его и кривичей, ясно указывает, что это были кривичи Полоцка¹³⁹. Никакого упоминания о кривичах смоленских нет. Это указание стоит в полном соответствии с другим, где рассказывается о взятии Олегом Смоленска. Князь взял с собой, в числе других ополчений, и кривичей. Выходит, что он вел кривичей на кривичей. Стало быть, те, которые находились в войске Олега, были полочане. Смоленск без всякого сопротивления сдается и принимает княжеских посадников¹⁴⁰. Не было еще распада кривицкой земли на отдельные политически обособленные единицы, и пригород мирно следует примеру своей метрополии. Обратим внимание на договор Олега с греками. Мы видим, что князь требует дани

на города: Киев, Чернигов, Переяславль, *Полоцк*, Ростов и Любечь¹⁴¹. В походе на Царьград участвовали и кривичи, и вот на главный город их, на старый Полоцк, как на представителя земли, и берется дань. О Смоленске не может быть и речи, как не имевшем еще политического значения. Нам как бы противоречит упоминание о Смоленске у Константина Багрянородного. Но в том месте, где мы находим известие об этом городе, трактуется исключительно о торговых сношениях, причем намечены и города, лежащие на великом водном пути. В Византии был известен путь через Новгород Великий, а о дороге через Западную Двину они совершенно не знали, в силу чего у ученого императора не упомянут Полоцк¹⁴². Другое дело скандинавы. Они прекрасно ознакомились с обоими путями и через Волхов и через Западную Двину. При существовании несомненных торговых сношений, этих витязей, предлагавших свои боевые услуги тому, кто больше даст, более интересовали политические отношения посещаемых ими стран. В их рассказах поэтому фигурируют имена местностей, имевших политическое значение. Оказывается, что в скандинавских сагах древнейшего происхождения нет упоминания о Смоленске, но зато как важный политический центр фигурирует Полоцк. Скандинавы знают Киев: он, по всей вероятности, с отдаленнейших времен известен у них под именем Днепра-города; они знают Новгород, говорят о Полоцке, но им не известен Смоленск, который появляется лишь в позднейших скандинавских литературных произведениях. Проезжая из Балтийского моря в Черное через Западную Двину и Днепр, или из Финского залива – через Неву, Ладожское озеро, Волхов, Ильмень, Ловать, Пало и т. д., или через Ловать, Кунья – Двина, Ельша, Ватря, Днепр, – скандинавы или были вблизи Смоленска, или шли мимо последнего и должны были знать его. Были кроме того и случаи, чисто политического характера, когда Смоленск мог быть упомянут, если бы играл хоть какую-нибудь политическую роль¹⁴³.

Перешедши в область реки Днепра и Волги, кривицкое племя колонизировало огромные пространства, расселяясь далее и далее на восток. Оно перешло к системе реки Вазузы с Гжатыю, отсюда перешагнуло на берега реки Москвы и колонизировало территорию, вошедшую затем в состав земли Суздальской. Что колонизация на среднее Поволжье шла с востока, лучшим доказательством служит то обстоятельство, что в состав Смоленской земли входили области по рекам Исконе и Исме и даже переходили за них к востоку.

Раздавались мнения, что кривичи не представляют из себя славянского племени или, по крайней мере, являются смешением славянского элемента с литовским, причем самое имя *кривичи* готовы были производить от *кривее*, как назывался верховный жрец у литовцев¹⁴⁴. Это мнение возникло, во-первых, потому что летопись в своем перечислении славянских племен не упоминает кривичей¹⁴⁵, а во-вторых, вследствие сильно сказывающегося на последних литовского влияния со стороны языка и некоторых черт быта. Но летопись раньше очень ясно говорит, что кривичи и полочане – одно и то же племя¹⁴⁶, а пропуск имени кривичей при перечислении русско-славянских племен вполне понятен: летописец выразил здесь только сохранившийся еще в его времена взгляд, что полочане есть главная часть племени, а стало быть, не было нужды, назвав полочан, упоминать и кривичей. Это главенство полочан подтверждается, как мы только что говорили, и другими соображениями. Лингвистическое влияние литовского племени на кривичей едва ли подлежит сомнению. По этому вопросу мы только что высказали свое мнение. Теперь, когда нам известен ход кривицкой колонизации, мы можем представить себе ее движение в таком виде.

Финское племя, подвигавшееся с востока на запад, простершее некогда, как мы видели, свои поселения до карпатской прародины славян, было, однако же, немногочисленно около этих местностей, что доказывается немногочисленностью топографических названий к западу и спорадичностью памятников древности, какие могут быть приписаны угро-финским племенам. В очень отдаленные времена литовское племя распространилось далеко на восток, разрежало угро-финские поселения надвое и стерло те из них, которые находились к юго-западу от

Днепра (в районе Днепр – Двина – Припять). Славянское племя теперь было на севере отделено от чудского. Затем началось колонизационное движение славян, во главе которых двигались кривичи. Они частью уничтожили, частью ассимилировали литву на пространстве между Припятью, Двиной и Днепром, затем врезались между литовскими племенами у верховьев Днепра, раздвоили их, снова уничтожили или поглотили те из них, которые были отброшены к востоку, как, например, голядь. Но передовые ветви кривицкого племени неудержимо стремились все вперед и вперед на север, восток и северо-восток. Понятно, что те кривицкие поселения, которые ушли далее в указанных направлениях, подвергались литовскому влиянию менее, чем оставшиеся на Двине и в Приднепровьи, но зато эти передовые колонисты в своем дальнейшем движении столкнулись со сплошным, а не спорадически уже рассеянным угро-финским населением, и должны были уничтожить или ассимилировать его¹⁴⁷. Вот почему мы имеем право предполагать, что Смоленская земля при самом выступлении своем на историческую сцену носила в себе уже начала раздвоения, что в двух половинах ее, западной и восточной, существовала даже в то время значительная разница в населении, явившаяся результатом взаимодействия разнородных этнографических элементов.

В то время когда кривичи раскидывали свои поселения на огромные пространства с берегов Западной Двины до Финского залива и среднего течения Волги, территорию между реками Днепром и Сожем колонизировало другое славянское племя, радимичи. Границы его колонизации в северо-восточном направлении указываются археологией. Мы видели, что преобладающий тип похорон на пространстве, ограничиваемом указанными реками, есть погребение. К северу от города Ельны мы замечаем резкую перемену: преобладающим является сожжение. Вот эту черту, от Ельны до Днепра на запад и до верховьев Десны на восток, можно считать границей между двумя племенами – кривичами и радимичами. Тут, по верхнему течению Сожа и его притоков, столкнулись они, и вследствие характера местности должна была произойти чересполосица. Племя радимичей, насколько можно составить себе о нем понятие по летописным данным, не отличалось ни высоким культурным развитием, ни воинственностью. Оно довольно легко подчиняется власти киевских князей, а затем территория его дробится между тремя политическими центрами: Киевом, Смоленском и Черниговом¹⁴⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.